

Последний поход

РОБЕРТ БРУКС

— Могрейн!

Закат. Пурпурное зарево на горизонте. Ночная прохлада смешалась с клубами ледяного тумана, что вихрились вокруг некрополя.

— Могрейн!

Холод был ему не страшен. Он пугал лишь живых.

— Верховный лорд Могрейн! Что случилось?

Сквозь туман, окутывающий парящий в небесах «Акерус», Дарион Могрейн видел Расколотые острова: приятно мерцающие огни Сурамара, мертвенный силуэт очищенной от Скверны гробницы Саргераса, далекие пики Крутогорья, заснеженные шапки которых отливали оранжевым в последних лучах

«ПОТОМУ ЧТО, — СКАЗАЛ МОГРЕЙН, — Я СОБИРАЮСЬ ПРОСИТЬ ВАС О ПОМОЩИ. Я ХОЧУ УБИТЬ БОЛВАРА ФОРДРАГОНА».

заходящего солнца. Покой. Тишина. Так было со времен победы над Легионом.

— Могрейн, ты здесь?

Он ощутил, как шея коснулась сталь клинка. Одно движение запястьем — и всем его бедам придет конец. Дарион Могрейн обернулся и встретился взглядом с той, что держала меч.

— Пока да, — ответил он.

— Почему я должна тебе верить? — парировала Салли Вайтмейн, хмуро глядя на него из-под копны снежно-белых волос. С ней были орк и человек, но они даже не пытались вмешаться. Очень мудро с их стороны.

— Потому что, — сказал Могрейн, — я собираюсь просить вас о помощи. Я хочу убить Болвара Фордрагона.

Сущность, следившая за разумом Могрейна, даже не дрогнула. Это его удивило. А вот реакция остальных вызвала у него неподдельный интерес.

Торас Троллебой скривился и уставился в землю. Назгрим выругался по-оркски и сплюнул на пол. Вайтмейн улыбнулась и опустила оружие.

— Чудесно, — промурлыкала она, — всегда хотела убить Короля-лича.

— Тоже мне, шутница, — проворчал Троллебой.

Могрейн отвернулся. Его взгляд пал на острова, и он позволил себе в последний раз насладиться мирным видом простирающихся перед ним земель. Последнее мгновение покоя. Он повернулся к товарищам, стараясь мысленно отгородиться от окружающего его спокойствия, вытравить его из остатков своей души.

Время покоя прошло.

— Нам надо поговорить. Наедине, — Могрейн повернулся к орку. — Назгрим.

Тот мгновенно превратился в вояку, рычащего на прислужников «Акеруса»

так, словно те были новобранцами:

— А ну выметайтесь все, живо! Не заставляйте меня повторять дважды, а не то я вам...

Вереница умертвий послушно потянулась к выходу. Те, у кого еще оставались мозги, уже привыкли к своеобразному стилю общения орка. Те же, кто в мире без Четырех Всадников стал бы пушечным мясом Плети, проклятием Азерота, беспрекословно повиновались приказам вне зависимости от того, как они отдавались — криком, шепотом или вовсе телепатически.

Назгрим наслаждался происходящим, и Могрейн ему в этом не мешал. У окна стоял командирский стол. Могрейн достал из ножен клинок, покрытый рунами, которые при жизни посчитал бы святотатственными, и опустил его на столешницу.

Вайтмейн и Троллебой подошли к нему сразу, а Назгрим — чуть погодя. Глаза орка сияли от удовольствия. Ради посмертия некоторыми частями его души пришлось пожертвовать, но он, казалось, ценил тот факт, что любовь к командованию осталась при нем. Что совершенно естественно — при жизни Назгрим был генералом.

На зал опустилась тишина. Вряд ли кто-то на «Акерусе» решил бы подслушать беседу Четырех Всадников, но это не имело значения. Если бы Болвар захотел узнать, о чем они говорят, он бы просто сделал это, и они вряд ли смогли бы хоть как-то ему помешать.

Проклятье, Болвар! Можно ведь было просто поговорить!

Могрейн устался на лежащий перед ним клинок, собираясь с мыслями.

— Вы сегодня получали какую-либо информацию от Короля-лица? — спросил он наконец, имея в виду, разумеется, сущность Болвара. — Какие-то приказы, эмоции, что угодно?

Всадники переглянулись. Троллебой заговорил первым:

— Нет. Была разве что короткая вспышка гнева, но на этом все.

Назгрим и Вайтмейн согласно кивнули. Могрейн закрыл глаза.

— А сейчас что вы чувствуете?

— Ничего, — ответила Вайтмейн.

— Попробуй еще раз. Ощути его. Попытайся коснуться его разума.

Салли с любопытством взглянула на Дариона, а затем закрыла глаза.

Остальные сделали то же самое. Несколько мгновений они провели в молчании.

— Нет, ничего, — наконец пожал плечами Назгрим.

— И у вас тоже? — Троллебой и Вайтмейн кивнули. — Тогда я скажу вам правду. Когда я пришел к Болвару, он не ответил ни на один мой вопрос. Я так и не знаю, зачем ему было нас изолировать. Я понятия не имею, что он замышляет. Я хотел, чтобы он мне все рассказал — или хотя бы пообещал, что будет и дальше охранять Шлем. Он отказался. И тогда... — Могрейн запнулся, — и тогда я напал на него. Точнее, *попытался*. Он подчинил меня своей воле и заставил вернуться сюда. А еще он практически прямым текстом сказал, чтобы мы все вместе вышли с ним на бой. Это уже не тот Болвар, которому мы поклялись служить.

Вайтмейн вдруг стала очень серьезной. Никто больше не улыбался.

Назгрим прищурился:

— Он взял тебя под контроль, а потом просто отпустил?

— Да.

— Но почему он не убил тебя на месте?

— Не знаю, — честно признался Могрейн.

Назгрим что-то неразборчиво пробормотал.

Троллебой стукнул закованным в броню перчаткой пальцем по столу, и металлический звон эхом разнесся по залу.

— Это ловушка?

— Не знаю, — повторил Могрейн.

— Странно все это, — заметил Торас. — Болвар знает, что мы ему не доверяем, как знает он и то, что мы не робкого десятка. А еще он подтвердил наше худшее опасение: если мы выступим против него, он запросто подчинит нас своей воле. Он не глупец. Он действовал совершенно осознанно.

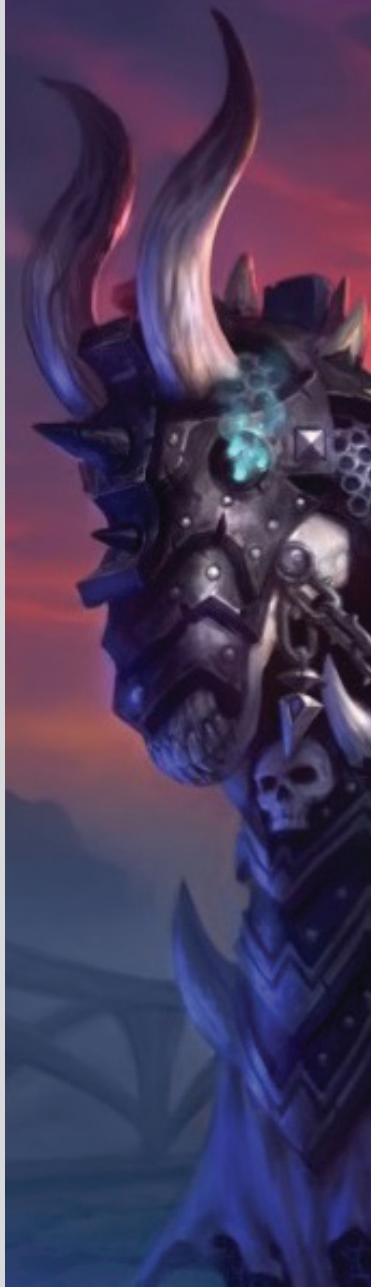
Вайтмейн усмехнулась:

— Он нам угрожает. «Вы будете мне служить, хотите вы того или нет».

— Может, и так, — сказал Могрейн. — А может, и нет.

Назрим снова выругался. Могрейн знал, что им будет сложно это принять, ведь они Четыре Всадника, доверенные лица человека, сдерживающего волну полного уничтожения. Но никто из них не знал Болвара Фордрагона так, как знал его Дарион Могрейн. Они увидели его ледяную тюрьму лишь после того, как их подняли из могилы. Ни один из них не потратил годы своей жизни на то, чтобы найти хоть в одном из миров какой угодно способ облегчить возложенную на Болвара жуткую ношу. Им не пришлось наблюдать за тем, как могущественнейшая магия Шлема неумолимо подтачивает непреклонный дух бывалого воина, не пришлось слушать безжизненный монотонный голос, в котором всегда звучит безысходная боль бесконечной усталости.

Но остальные Всадники с самого начала согласились с Могрейном в том, что решение Болвара обратить

силу Короля-лича на борьбу с Легионом — даже малую толику того, на что на самом деле был способен Шлем Господства — могло приоткрыть дверь, которую уже невозможно было бы затворить.

— Болвар избрал вас за необычайно развитое чувство долга и преданность делу. Я же прошу вас совершить величайший из всех грехов: грех предательства. Я прошу вас убить со мной Болвара Фордрагона, ибо мы не ведаем, что он задумал. Я дал себе слово, что не позволю ему самому стать чудовищем, место которого он занял, и потому мне нужно действовать, даже если все мои попытки окажутся тщетными, — Могрейн жестом указал на стол и лежащий на нем клинок. — Сегодня Болвар доказал мне, что я не могу противиться его воле. Если согласитесь пойти со мной, возьмите мой меч. Мне нельзя его доверять.

Они приняли решение мгновенно и единогласно.

— Возьми его сам, — сказал Дариону Троллебой. — Без тебя нам этот бой не выиграть.

Назгрим согласно зарычал:

— Мы знали, что рано или поздно этот день настанет. Мы с тобой.

Могрейн повернулся к девушке:

— А ты?

Она лишь улыбнулась.

На том и порешили. *Если бы только он мог сделать это в одиночку!*

Смерть лишила Могрейна — как и всех их — яркого kaleidoscope эмоций, присущих живым. Они больше не могли испытывать ту же любовь, радость — ту же ярость, что и раньше. Но вчетвером они сражались с величайшим злом их всех, что когда-либо грозили Азероту. Пламя битвы обнажило их непреклонные души и стойкие сердца, и за это Могрейн проникся к своим спутникам бесконечным почтением. По воле долга, судьбы и, вероятно, слепого случая им довелось стать Четырьмя Всадниками Короля-лича.

Они страдали вместе, сражались вместе, побеждали вместе. Они были связаны узами, понятными лишь воинам.

А теперь он вел их на верную смерть. Все было предрешиено. Четверо

смертных, находящихся в подчинении у Короля-лича, никогда не смогут его одолеть.

Однако они тоже прекрасно это понимали — и все же пошли за ним, не колеблясь ни секунды.

В памяти Могрейна всплыли строки из манускрипта его отца: «Братия и сестры! Вместе мы ринемся в битву, вместе победим и вместе падем в объятия Света». Как бы он хотел сделать так, чтобы им не пришлось отправляться в этот самоубийственный поход! Но они были связаны, а потому должны были принять этот бой вместе. Несмотря ни на что.

— Тогда собираемся, — произнес он. — Готовьте «Акерус». Мы отправляемся в Нордскол. Это будет наш последний поход.

Альянс захватил Дазар'алор, убил короля зандаларов и отступил. Улицы города были усеяны трупами воинов Орды и Альянса.

— Принесите мне тела тех, кто погиб с честью, — приказал Король-лич. И они принесли.

Эта территория принадлежала Орде, так что Назgrim занялся сбором информации о павших героях и отбором кандидатов. Он подошел к этой задаче со всей тщательностью. Они очень старались сделать так, чтобы местный лоя смерти их не заметил, ибо кому понравится, когда у него воруют добычу прямо из-под носа? Назgrim не был уверен, что им это удалось.

А затем они отправились в Кул-Тирас. После этого — на Темные берега. На все крупные поля боя, какие только им удалось отыскать. Кто-то пал, сражаясь с поднявшимся из глубин ужасом, кто-то пытался защитить родную землю. Иногда его отряду приходилось давать взятки могильщикам, иногда — самим раскапывать могилы, которые никто не охраняет.

Это был тяжелый, изнуряющий труд. В конце концов Назgrim высказал Болвару свое недовольство.

— Мертвые должны почивать в родной земле, среди духов предков, — рявкнул он.

«НАЗГРИМ ПОДЕЛИЛСЯ СВОИМИ НАБЛЮДЕНИЯМИ
С ОСТАЛЬНЫМИ ВСАДНИКАМИ, И ЭТО ИХ ТОЖЕ НЕ
НА ШУТКУ ОБЕСПОКОИЛО. ЗАЧЕМ БОЛВАРУ ТАЙНО
СОБИРАТЬ В ЛЕДЯНОЙ КОРОНЕ ПЛЕТЬ И ОТСЫЛАТЬ
ПРОЧЬ ТЕХ, КТО МОГ ПОСТАВИТЬ ЕГО ДЕЙСТВИЯ
ПОД СОМНЕНИЯ?»

Но Король-лич оставался непреклонен:

— Пусть лучше они достанутся мне, чем кому-то еще.

Но кому? Назгрим спросил у Могрейна, однако тот и сам не знал точно.

— Болвар следит за Сильваной Ветрокрылой, — предположил верховный лорд. — Он ей не доверяет.

Мысль о противостоянии с Сильваной не сильно беспокоила Назгрима. В конце концов, она приложила руку к его смерти. И он никогда не считал ее своим вождем.

Трупы свозили в цитадель Ледяной Короны, где со всеми предосторожностями складывали в заледевшие морги, чтобы не дать разложению их коснуться.

Но Король-лич начал воскрешать павших воинов лишь тогда, когда Сильвана отреклась от Орды. Один за другим трупы начинали ежиться и дрожать, чтобы наконец вернуться к существованию, полному боли, мучений — и могущества.

Король-лич приветствовал своих новых рыцарей смерти коротко и просто: «Сила смерти растет. Восстаньте и служите мне».

Назгрим думал, что на подготовку и тренировку новых рыцарей смерти уйдут годы, но почти всех их немедленно отправили обратно в родные края, поручив самим решать, как им жить в мире, где их боятся и презирают. Для Назгрима это было равносильно тому, чтобы отправлять новобранцев на передовую прямо из призывного пункта. Однажды он подслушал, как Могрейн

и Болвар спорили об этом.

— Даже Артас обучал своих рабов, — негодовал Могрейн.

— Я не Артас, — отвечал ему Болвар, — а они не рабы.

— Именно, — парировал Дарион. — Мы прокляты. Наше существование наполнено страданием, и единственное утешение для нас — пытаться и убивать смертных. Если бы Артас дал нам свободу воли, мы бы не сдерживались. Только представь, насколько сложно некоторым из тех, кого ты поднял, будет адаптироваться к новой реальности! Вряд ли они долго продержатся и, прежде чем исчезнуть навсегда, могут навредить ни в чем не повинным душам!

— Я готов пойти на этот риск, — холодно ответил Болвар.

Но неделя сменялась неделей, и у Назгрима появился новый повод для беспокойства. Судя по всему, к цитадели Ледяной Короны начала стягиваться Плеть. Рыцарей смерти отсылали прочь, но количество нежити в округе все росло и росло. Сначала Назгрим заметил, как несколько неприкаянных живых трупов зарываются в сугробы и дают поземке замести себя. Вскоре он уже проверял каждый снежный занос; иногда куча снега оказывалась просто кучей снега, а иногда из сугробов на него смотрели глаза сбившихся в кучу умертвий.

У этой нежити не было собственной воли. Они могли лишь подчиняться приказам. Когда Назгрим спросил об этом Болвара, тот ответил: «Не думай об этом».

Назгрим поделился своими наблюдениями с остальными Всадниками, и это их тоже не на шутку обеспокоило. Зачем Болвару тайно собирать в Ледяной Короне Плеть и отсылать прочь тех, кто мог поставить его действия под сомнения?

«Акерус» плыл по ночному небу. Расколотые острова остались позади, а впереди лежали лишь облака, звезды и море, отражающее свет луны.

Летающая крепость впервые за долгие годы вновь сдвинулась с места. Назгрим с верхних этажей отрывисто отдавал приказы команде нежити.

Он пытался представить себе, что чувствуют сурамарские эльфы, глядя на их отбытие. А еще он был почти уверен — в это самое время разведчики Крутогорья шлют в Орду депеши о том, что рыцари Черного Клинка отправились в путь. Интересно, что по этому поводу предпримет Орда?

«Если они достаточно умны, то укрепят защиту и начнут готовиться к вторжению», — думал он. То, что «Акерус» устремился обратно к цитадели Ледяной Короны, не предвещало ничего хорошего. Тралл, совет Орды — или кто там у них сейчас стоял у руля? — должны были это понимать.

Во время войны с Легионом Назгрим поставил себе за правило избегать слухов и новостей о том, что творится в Орде. Не то чтобы ему не было любопытно — он боялся, что ему будет *слишком* любопытно. Он умер, защищая вождя-тирана. После воскрешения ему рассказали, что случилось потом. Железная Орда. Возвращение Легиона. Все это произошло из-за гордыни Адского Крика. И из-за того, что Назгрим был слепо ему предан.

Он погиб, выполняя свой долг. Он отдал свою жизнь за Орду. Но последствия его решений до сих пор не давали ему спать спокойно. Поэтому он старался о них не думать.

Когда во время Четвертой войны Назгрим искал в землях Орды подходящих... *рекрутов*, ему волей-неволей пришлось узнать о заботах и чаяниях своей бывшей фракции. Он мог лишь наблюдать за тем, как его народ свергает *очередное* чудовище, но вмешиваться ему было запрещено. Было странно ощущать, что он, пусть и самую малость, но хотел бы им в этом помочь.

Взгляд Назгрима упал на кузню рун. Она не пылала пурпурным пламенем порчи, как следовало бы накануне битвы, нет, она была холодна, огонь в ней не горел. Три прислужника из Плети неподвижно стояли рядом, опустив головы.

Назгрим вновь надел на себя старую генеральскую маску.

— За работу! — проревел он. — А вдруг у меня клинок в бою сломается, что мне тогда, несколько часов ждать, пока вы соизволите разжечь огонь и прогреть кузню? Если еще раз увижу, как вы спите на посту...

Он умолк. Работники уже принялись разжигать огонь, подгоняемые больше

его волей, чем словами. В кузне заплясали фиолетовые язычки пламени. Все его крики были лишь пустым сотрясанием воздуха. «Что за радость отдавать приказы тем, кто все равно не может тебя послушаться?» — подумал он.

Он отвернулся. У него было еще много дел.

Назрим спустился на нижние этажи «Акеруса» и обнаружил, что там его ждет Торас Троллебой.

— Приветствую, милорд, — нараспев произнес орк и склонился перед человеком в шутовском реверансе.

— Заг-заг, генерал, — ответил тот с усталым вздохом, словно эта их старая традиция ему давно приелась. — Могрейн попросил найти тебя. Он говорит, нам не стоит оставаться одним до начала битвы.

— Почему?

— Болвар может попытаться нас остановить, и тогда нам понадобится помощь других.

Он хотел сказать, сущность Короля-лича может лишить их разума и превратить в безмозглых марионеток. Назрим крикнул. Есть только один способ этого избежать, но тогда им придется убить друг друга прежде, чем они утратят контроль над собой. Он убил в Нордсколе множество воинов Плети, и ему никогда не забыть их пустого предсмертного взгляда. *Уж лучше умереть, чем превратиться в подобное.*

— Думаешь, он пойдет на это?

— Как знать, — спокойно ответил Торас. — Может, и нет. А может, он до сих пор этого не сделал лишь потому, что мы еще недостаточно приблизились к Ледяной Короне. Если он завладеет моим разумом, а ты еще сможешь держать в руках топор, отрубишь мне голову?

— Только если ты сперва вонзишь в меня меч, — Назрим обхватил ладонью запястье человека и крепко его сжал. Тот ответил пожатием на пожатие. Очевидно, таким образом солдаты Стромгарда выражали свое дружеское отношение. Бывший король людей и генерал орков и в самом деле стали добрыми друзьями, хоть на то, чтобы переступить через размолвки из прежней жизни, у них ушло какое-то время. Назрим достаточно долго

прожил в человеческих лагерях для военнопленных; Троллебой же в открытую призывал к тому, чтобы казнить всех содержавшихся там орков до единого.

Но в конце концов Торас признал, что был неправ. Назгрим полагал, именно поэтому подчиненные так его любили.

Они вдвоем шли по коридорам Черного оплота и наблюдали за тем, как многочисленные работники исполняют нескончаемый поток задач по поддержанию «Акеруса» в движении. Наконец Назгрим задал вопрос, всю ночь не дававший ему покоя.

— Если мы убьем Болвара, то кто наденет Шлем?

— Не знаю, — ответил Торас. — Это не та корона, которую я жажду носить.

— А если выживешь только ты?

Он покачал головой:

— Это вряд ли.

— И все же. Представь себе такой исход. Что бы ты сделал?

Торас Троллебой остановился и серьезно посмотрел на Назгрима:

— То, что должно. Сперва нам надо победить, орк. Сомневаюсь, что мы все выживем.

Назгрим слегка пожал плечами:

— По-моему, Болвар вполне мог убить Могрейна тогда, в Ледяной Короне. Но не убил же. Может, он и сам хочет, чтобы мы пришли по его душу. Может, он даже сопротивляться не будет.

— Все может быть, — Троллебой не мигая смотрел Назгриму в глаза. — Но разве последний Король-лич не заманивал лучших бойцов мира прямо к себе в логово? Они тогда *еле* спаслись.

Назгрима внезапно накрыло волной неуверенности. Об этом он не подумал. *А что если Болвар именно поэтому отпустил Могрейна? Чтобы мы явились к Ледяному Трону все разом? Там он обладает практически безграничной силой и способен одним махом лишить воли всех четверых...*

Нет, решил он.

— Болвар на такое не пойдет.

— Ты так уверен?

— Да, — твердо сказал Назgrim. — Я видел его схемы боев в Нордсколе. Он достаточно умен для того, чтобы не использовать одну и ту же стратегию дважды. Особенно если в первый раз она не работала.

Троллебой подумал над его словами и кивнул:

— Дело говоришь. Но тогда это значит лишь одно: мы совершенно не готовы к тому, что нас там ждет.

И он был прав. Неуверенность Назgrима сгустилась и застыла кристаллами ужаса — или его ближайшего аналога в посмертии. Как только Могрейн рассказал им о своем плане, Назgrim понял, что все четверо, скорее всего, не переживут встречи с Королем-личом. Его это не пугало. Он уже погибал в бою. «Есть вещи и похуже», — подумал он. *Все лучше исчезнуть, чем быть рабом.*

Но неизвестность заставляла его внутренности завязываться узлом. На предыдущего Короля-лича шли войной две хорошо подготовленные армии — и едва не проиграли. Какие вообще шансы могли быть у отряда из четырех бойцов? Могрейн на своем примере доказал, что они очень уязвимы к воздействию Шлема. Если они проиграют этот бой, смогут ли армии Орды и Альянса, потрепанные последней войной, довершить начатое?

Неизвестность. Неопределенность. Назgrim по-прежнему был иррационально убежден в том, что Болвар не был им врагом, и это его тревожило. Возможно, здравомыслие подводило его. Однако он не собирался предлагать повернуть назад. Эта встреча так или иначе ответит на все его вопросы.

— Ты убьешь его, если придется? — спросил он Тораса.

— Я поклялся защищать Азерот, а не Болвара, — просто ответил тот.

Дальше они шли молча.

С одного из внешних балконов «Акеруса» им открылось затянутое облаками северо-западное небо. Ледяная Корона была где-то там, далеко за горизонтом. Назgrim ощущал ее. Он и с закрытыми глазами отыскал бы ее, величественную и неизменную, простирающуюся до небес, как невидимый маяк. С самого возвращения Могрейна Назgrim совершенно не ощущал присутствия в его сознании Короля-лича. У него создавалось впечатление,

будто тот порвал с ними все связи.

Но он был по-прежнему там. Он ждал.

— Он знает о нас, — проговорил Назгрим.

— Да.

— Ты общался с ним куда больше меня, — сказал орк. — Ему и правда ничем больше нельзя помочь? Или все-таки можно?

Какое-то время Троллебой молчал. Назгрим спокойно ждал, пока тот соберется с мыслями. Наконец Торас ответил:

— Он несет поистине неподъемную ношу. Думаю, собирается исполнять свой долг в одиночку до тех пор, пока у него попросту не останется сил.

Торас Троллебой в одиночестве стоял у Ледяного Трона. С вершины цитадели Ледяной Короны из прорезей Шлема Господства на него взирали два пылающих глаза, пламя которых отражалось от синего льда.

Глубокий, словно неизведанная бездна, голос Короля-лича раздался прямо у него в голове. Он слышал его впервые за долгое время:

— Уходи, Торас. Сегодня я не нуждаюсь в твоих наставлениях.

— Возможно, — вслух произнес тот и начал подниматься по ведущим к трону ступеням. — Но я все равно выскажусь.

Троллебой чувствовал, как с каждым его шагом раздражение Болвара растет. Оно сочилось из сущности в его мозгу, как кровь из открытой раны. Это значило «смотри, куда идешь».

При жизни Троллебой не был знаком с Болваром Фордрагоном. Пока он был королем Стромгарда, до него долетали слухи о маленьком Фордрагоне, впечатлявшем своих наставников-паладинов силой и благородством духа. Вероятно, им довелось встречаться на официальных приемах, но поговорить друг с другом так и не удалось. По-настоящему он познакомился с Болваром лишь после воскрешения. Тот был сильным, непреклонным человеком, фанатично преданным своему делу. Вероятно, в свою бытность паладином он был образцом для подражания. Став Тюремщиком Проклятых, он замкнулся

и ни с кем не обсуждал тяготы своего положения. Он хотел сам нести свою ношу.

Троллебой остановился. До вершины оставалось всего несколько ступеней. Он не хотел идти до конца, не хотел нависать над тронном. Глаза Болвара и прочерченные оранжевым огнем шрамы на его теле были скрыты за ледяным коконом, но из-за них трон слабо, неуловимо светился. Интересно, подумал Торас, остужает ли лед драконий огонь, бегущий по жилам Болвара? Или причиняет еще большие боли? Скорее второе.

— Болвар, — произнес Троллебой. — Мы тебе не рабы. Хватит так с нами обращаться.

Лед мигнул оранжевым, и этой вспышке вторил всплеск раздражения, отозвавшийся в разуме Тораса.

— Тебя прислал Могрейн?

— Нет. Он просто рассказал нам о вашей размолвке.

Болвар ответил не колеблясь. Его тон был ледяным.

— Мне нечего ему сказать. И тебе тоже.

— Ты доверился нам настолько, чтобы воскресить и сделать своими Всадниками, — произнес Троллебой. — Но мы тоже должны тебе доверять. А ты нам ничего не рассказываешь.

Раздражение перешло в гнев.

— И что же я должен вам рассказать? — спросил Болвар.

Троллебой спокойно развел руками.

— Ты стягиваешь к Ледяной Короне армию мертвецов. Мы видим, как пешки занимают свою позицию на шахматной доске, но не можем понять, зачем все это. Посвяти нас в свои планы, и мы тебе поможем.

— Вы умрете. Этим вы мне точно не поможете, — Болвар говорил с Торасом, как отец с провинившимся ребенком. С Троллебоем такого давненько не бывало.

— Если отправлять в битву необученных солдат, то да, они, скорее всего, умрут, — согласился он. — И мы как раз такие солдаты. Скажи, что изменилось? Что мешает тебе все нам рассказать?

— Сильвана Ветрокрылая.

Торас Троллебой заколебался. Сильвана? Король-лич заинтересовался ей еще в начале Четвертой войны и приказал Всадникам докладывать ему все слухи о ее местонахождении, но строго-настрого запретил самим за ней следовать. Но он также сказал им, что Сильвана никогда не интересовалась Шлемом и выказывала в его отношении лишь презрение.

— А что Сильвана?

— Из-за войны, которую она вела, баланс между жизнью и смертью нарушился. Смерть торжествует, и сила Шлема рвется наружу, — ответил Болвар. — Я не ощущал ничего подобного даже когда Легион обратил весь наш мир в склеп.

И все же Торас не мог понять, что так растревожило Болвара.

— Что бы она там ни замышляла, все ее замыслы пошли прахом.

Троллебой ощутил, как гнев Болвара накалился добела — однако, как бы странно это ни звучало, гнев этот был направлен по большей части на него самого.

— А ты видишь, чтобы ее это остановило?

Затянутое тучами небо скрыло восходящее солнце, но в мхуром рассвете виднелись скалы и очертания берега Драконьего Погоста. До цитадели Ледяной Короны было еще несколько часов лета.

Салли Вайтмейн краем глаза следила за Дарионом Могрейном. Он всю ночь отдавал прислужникам короткие приказы, стремясь как можно лучше подготовить «Акерус» к осаде. Теперь он неподвижным взглядом уставился на карту Нордскола. Вероятно, он был погружен в свои мысли.

«Так дело не пойдет», — решила Вайтмейн. Если Могрейн пытается отвлечься от предстоящего им испытания, значит, Фордрагону будет легче взять его под контроль.

— А что ты чувствовал, когда прошлый Король-лич сделал тебя своей марионеткой? — спросила она.

Он поднял на нее тяжелый взгляд:

— Молись, чтобы тебе никогда не довелось этого узнать.

— Не то чтобы я пыталась снова заставить тебя пережить эти болезненные воспоминания, — соврала она, — но Фордрагон наверняка в курсе нашего прибытия. Если он и правда попытается подчинить нас своей воле, мы должны быть готовы к сопротивлению. Как тебе удалось выйти из-под контроля Артаса в часовне Последней Надежды? Как ты сохранил свободу воли?

Верховный лорд прищурился.

— Мы находились на освященной земле. Праведный гнев помогал мне сохранить разум до тех пор, пока Артас не пал.

— Выходит, тебя спасли Свет и гнев. Думаешь, они и теперь нам помогут? — в голосе Вайтмейн звучала издевка. Она очень хотела, чтобы Могрейн разгневался. С тех пор как ее воскресили, она просто бурлила от ненависти. Она всю жизнь посвятила истреблению нежити, а теперь сама стала ею. Судьба сыграла с ней крайне жестокую шутку. Однако же она согласилась принять эту ношу. Нравилось ей это или нет, но ее темная сила помогла защитить Азерот. И она не хотела, чтобы все ее страдания пошли насмарку лишь из-за того, что Могрейн здесь куксится.

— Я бы не стал взывать сегодня к помощи Света, *рыцарь смерти*. Разве только если у нас вовсе не останется выбора, — холодно произнес Могрейн.

— Если очень повезет, Свет попросту превратит твою оскверненную плоть в груды пылающих углей. Поверь мне: это очень неприятно.

Вайтмейн знала, что он говорит об этом по собственному опыту.

— Ты меня беспокоишь, Могрейн, — призналась она. — Я боюсь, что в решающую минуту у тебя не поднимется рука на Болвара.

Могрейн вновь уставился на карту.

— А у тебя, значит, поднимется?

Салли плотоядно улыбнулась, обнажая зубы:

— Ты что же, правда думал, что я пошутила, когда сказала, что всегда хотела убить Короля-лича?

— Нет, — он еще секунду смотрел на карту Нордскола, а затем отшвырнул

ее прочь. — Я не злюсь на Болвара. Мне его просто жаль. Но я исполню свой долг. Я ему обещал.

Вдруг глаза Могрейна расширились.

— Что?.. — начал было он.

И тут Вайтмейн тоже это почувствовала.

Та часть ее сознания, что связывала Всадников с Королем-личом, пробудилась.

На мгновение Салли показалось, будто эту сущность объяло пламя. Но нет. Это был не жар огня. Это был опаляющий мороз, медленно окутывающий эту часть ее разума.

Свершилось.

— Верховный лорд, это?..

— Да, — кивнул Могрейн. — С Артасом было то же самое. Это сила Шлема. Болвар ее больше не сдерживает.

— Значит, он ей поддался? — спросила Вайтмейн.

— Да, — ответил он тихо и печально протянул, — Болвар, я не понимаю...

«Во имя Света, я тоже это чувствую», — подумала Вайтмейн. Болвар с головой окунулся в первобытное проклятие смерти, стал алчущим потоком разложения, стремящимся поглотить саму сущность жизни.

Если раньше у Вайтмейн и были сомнения, то теперь они испарились. *Король-лич должен немедленно умереть.* Она чувствовала, как сила Болвара, подобно каплям воды, сочится из проявления его сущности у нее в мозгу, и эти капли одна за другой падают на останки ее измученной души, разлетаясь на осколки. Несколько дней такой пытки — и даже в том случае, если Болвар будет их от этого защищать — даже если он захочет их защитить — Четырех Всадников, скорее всего, ждет та же судьба, что и его самого.

Она с облегчением увидела, как изменилось выражение лица Могрейна. «Наконец-то, — подумала она, — верховный лорд готов к битве».

Он взглянул на простирающийся перед ними Нордскол и ударил себя кулаком в грудь.

— У нас больше нет выбора, — сказал он. — Мы не можем отступить. Если

«ТЫ УМРЕШЬ. ВЫ ВСЕ УМРЕТЕ».

Болвар останется Королем-личом до заката, вряд ли уже хоть кто-то сможет его остановить.

Могрейн крикнул, и его слова разлетелись по «Акерусу»:

— За Азерот! За жизнь! И друг за друга! Мы идем убивать Болвара.

.....

Днем ранее Дарион Могрейн подошел к Ледяному Трону с обнаженным клинком и тяжелой душой.

— Болвар, — заявил он. — Нам надо поговорить. Прямо сейчас.

Ответа не последовало. Порыв холодного ветра сбросил пригоршню льда с вершины цитадели прямо на броню Могрейна. Он сделал первый шаг по лестнице, ведущей к трону. Он не мог понять, смотрит на него Король-лич или нет — его ледяная тюрьма была сегодня на удивление мутной.

— Болвар, я дал тебе слово, — Могрейн сделал еще шаг. — Помнишь?

Ничего. Болвар по-прежнему не смотрел на него. Дарион почувствовал ком в горле. «Из всех эмоций в посмертии мне оставили именно печаль», — скорбно подумал он и продолжил восхождение.

— Я поклялся, что не позволю тебе кончить, как Артас.

Еще один шаг. «Скажи же хоть что-нибудь, — подумал Могрейн, — не заставляй меня делать это».

Он сделал еще один шаг и едва не поскользнулся. По ступеням струились маленькие ручейки.

Могрейн удивился. Что происходит?

Он рывком преодолел последние несколько ступеней, шлепая по лужам, и замер у Ледяного Трона с широко раскрытыми глазами.

Лед вокруг Короля-лича быстро таял.

— Болвар, — прошептал Могрейн. — Что ты делаешь?

Наконец взгляд оранжевых глаз обратился на него:

— Было глупо с твоей стороны приходить сюда в одиночку, Могрейн.

Да. Очень глупо. Дарион явился в Цитадель в надежде получить от Болвара ответ на свой ультиматум, но чего он никак не ожидал увидеть, так этого того, что Король-лич собирается сойти с трона.

Я слишком долго тянул, понял он. И, что куда хуже, мои действия могли спровоцировать такой поворот событий.

— Мы должны быть уверены, что ты не пал жертвой Шлема, — сказал Могрейн. — Ты носишь его уже много лет.

— Правда? — спокойно спросил Болвар. Слишком спокойно. — Я так долго сдерживал силу Шлема, что презрел его истинное предназначение.

Предназначение?

— Каким бы оно ни было, мы поможем тебе все исправить. Только не поддавайся, Болвар. Ты знаешь, к чему это приводит.

— К армиям нежити, марширующим по пустынному миру, который они уничтожили. К концу всей жизни на Азероте.

— Да, — прошептал Могрейн.

— И как ты собираешься это исправить, верховный лорд?

— Я уже сразил одного Короля-лича, — ответил ему Могрейн. — У меня останется сил и на другого.

Сущность в его разуме мрачно усмехнулась.

— Боюсь, Дарион Могрейн, что если ты убьешь меня сейчас и займешь мое место, твое правление будет недолгим.

Что он имеет в виду?

— Ты смеешься надо мной? Мне не нужны ни твой Шлем, ни твой трон. Я бы разнес по камешку всю эту проклятую цитадель и ее обитателей, если бы это не обрекло на смерть столько ни в чем не повинных душ, — он указал на укрепления вокруг цитадели Ледяной Короны. — Я могу помочь тебе. Мы можем помочь тебе. Не важно, что за ношу нам придется разделить.

— Ты умрешь. Вы все умрете.

— И пусть! — проревел Могрейн. — Думаешь, хоть один из нас боится умереть еще раз? Мы выступим против любого, кто вздумает угрожать

«НЕ МЕНЯ. ТОГО, КТО ВЛАДЕЕТ ШЛЕМОМ. ПОТОМУ ЧТО ОН МОГ ПЕРЕЙТИ В ИНЫЕ РУКИ».

Азероту. И если мы падем, то наша смерть достанется врагу дорогой ценой.

— Да, иного я от вас и не жду, — сказал Король-лич.

Лед над его головой треснул. На лице образовалась расселина, прочертившая зазубренную линию до самой шеи. К ногам Могрейна рухнул большой кусок льда и разбился на мелкие кристаллы, которые тут же унес ветер.

Он напрягся. Возле шеи Болвара в тающем коконе зияла дыра. «Всего один точный удар мечом», — подумал он.

Но что-то было не так. Создавалось впечатление, будто Болвар дразнит его. Могрейн на мгновение закрыл глаза и сосредоточился.

А затем решил нанести удар.

Но прежде чем он смог пошевелиться, сущность в его разуме ожила. Он больше не мог двинуть ни единым мускулом. Его сдерживала воля Болвара.

Разум Могрейна яростно сражался, пытаясь сбросить власть Болвара так же, как ему однажды удалось оборвать поводок Артаса. И это сработало. Его отпустило. Создавалось ощущение, что Болвар схватил его недостаточно крепко.

Дарион без колебаний поднес клинок к шее Короля-лича.

И тогда сущность вновь сдавила его разум. Меч вывалился из рук.

Рыцарь смерти смотрел, как его оружие падает в воду и ледяную кашу у подножия трона, и его захлестывало отчаяние. Сущность Короля-лича держала крепко, связывая разум Могрейна с волей Болвара узами, что были куда прочнее стали.

«Я проиграл».

— Подними меч, Могрейн. Он тебе еще пригодится, — Дарион находился под абсолютным контролем сущности, в сотворенной Шлемом тюрьме, где он не мог свободно передвигаться и говорить. Его руки подняли меч и вложили его в ножны. — А теперь иди.

И он пошел. Сущность заставила его отвернуться от Ледяного Трона и спуститься по ступеням. Болвар — нет, Могрейн, подчиняющийся невысказанной воле Болвара — сотворил врата смерти на «Акерус.»

— Я могу отправить тебя туда в таком состоянии. Тебя ведь ждут, да? Скольких Всадников ты успеешь убить, прежде чем они с тобой расправятся?

В его сердце затеплился лучик надежды. «Да, сделай это, — подумал Могрейн, — отправь меня к ним».

Болвар заметил это.

— Ясно. Значит, ждут. И Вайтмейн подозревает, что вместо тебя вернется лишь твоё тело. Они к этому готовы. Очень хорошо.

Перед ним материализовались врата смерти. Клубы пурпурного тумана сложились в пирамиду чуть выше самого Могрейна.

Сущность заставила его подойти к ним.

— Больше не приходи один, — сказал Болвар. — Только сообща вы сможете убить того, кто владеет Шлемом. Прощай.

Могрейн сделал шаг через ведущие на «Акерус» врата, и туман за его спиной рассеялся.

Исчезла и воля Болвара. Сущность вновь затаилась. Замолчала. Свернулась, подобно гадюке, в одном из уголков его души, в ожидании подходящего момента для удара.

Могрейн рухнул на колени и обхватил голову руками. Он был свободен, но впервые за все время своего существования чувствовал себя абсолютно беспомощным.

.....

Время почти пришло.

Они уже подготовили план атаки. Если Болвар не согласится немедленно

сдаться и снять Шлем, «Акерус» начнет бомбардировку его армии, чтобы расчистить Четырем Всадникам место для маневра и атаки непосредственно на Короля-лича. Дальнейшие события зависели от того, кто из них сможет противостоять его контролю. Если кто-то вообще сможет.

А потом сущность зашевелилась. Они подошли к пункту назначения достаточно близко для того, чтобы ощутить сильное влияние Болвара. До цитадели оставался еще добрый час пути, и они пока не могли видеть Ледяной Трон собственными глазами, но на фоне пасмурного неба уже вырисовывался его зловещий силуэт.

Перед их внутренним взором начали вырисовываться странные картины.

Могрейн первым это заметил. В его сознании возникло видение того, как одно из поднятых Болваром умертвий валится на землю, пронзенное стрелой с черным оперением. Через несколько минут у подножия Ледяного Трона лежали уже десятки трупов. Потом — еще больше.

В цитадели Ледяной Короны шел бой. И сущность им его показывала. Нет — Болвар им его показывал. Четыре Всадника в молчании взирали на далекий шпиль. Видения становились все четче.

Вдруг Вайтмейн судорожно вздохнула:

— Это же Сильвана. Болвар сражается с *Сильваной Ветрокрылой*.

Теперь Могрейн тоже ее увидел. Горящие глаза. Свежий шрам на щеке.

Сильвана. Она пришла забрать Шлем.

И тут Могрейна осенило.

Болвар сказал: «Только сообща вы сможете убить того, кто владеет Шлемом». Не меня. Того, кто владеет шлемом. Потому что он мог перейти в иные руки.

Он знал, что она явится, понял Могрейн. Болвар предвидел, что Сильвана захочет отобрать у него Шлем, и решил использовать его против нее, ибо Королева-банши была не из тех, кто станет сдерживать подобную силу.

Но он должен был понимать, что его действия могут иметь негативные последствия. Использование Шлема могло привести лишь к одному исходу: смерти всего сущего. Было не важно, как долго Болвар продержится после

того, как позволит Шлему поглотить себя — месяцы, недели, несколько минут. Исход был один. Азерот падет.

Если только четыре рыцаря смерти, что поклялись защищать этот мир, не останвят его, пока он будет еще ослаблен битвой с Сильваной. Даже если она победит, сила Шлема будет ей в новинку. Она будет уязвимой, пусть хоть и на мгновение.

Болвар вынул Могрейна и остальных Всадников явиться убить его в тот самый момент, когда его правление должно было подойти к концу. И он держал их и всех остальных своих рыцарей смерти на расстоянии, чтобы защитит от воздействия Шлема. Кто бы ни вышел победителем в этой битве, у Всадников был шанс.

Троллебой посмотрел Могрейну в глаза:

— Это как-то влияет на наши планы?

Тот повернулся к остальным:

— Нет. Это ничего не меняет. Мы сделаем то, что должны сделать, — он вновь взглянул на Ледяную Корону. — Болвар знал, что рано или поздно этот день настанет. Или он победит, или на трон взойдет новый Король-лич.

— Королева, — заметила Вайтмейн.

— Да... — *«Как жаль, Болвар, что ты ничего мне не рассказал»*. Могрейн настоял бы на том, чтобы помочь ему сражаться с Сильваной. Как и остальные. И, судя по трупам, устилающим подножие Ледяного Трона, все они бы погибли. — Он хотел, чтобы в момент решающего боя мы были рядом и прикончили победителя. Сильвана очень удачно вырезала для нас всю Плеть. И она не сразу поймет, как нами управлять.

Назgrim задумался.

— Кому-то из нас придется занять его место.

Над «Акерусом» повисла тишина. Вайтмейн переводила взгляд с одного Всадника на другого, словно пытаясь угадать, жаждет ли кто-то из них взвалить на себя эту ношу.

Звук, похожий на удар грома, вновь привлек их внимание к цитадели. Сущность вздрогнула. Ледяную решимость Болвара пронзило отчаяние.

Перед внутренним взором Могрейна возникла невероятно четкая картинка: Сильвана тянет руку к голове Болвара.

А затем пришла боль. Она настигла их всех разом, словно клинок, вонзившийся в череп. Могрейн закричал и сорвал с головы свой собственный шлем, прижимая ладони к вискам так сильно, словно пытался выдавить боль, и лишь отчасти осознавая, что остальные тоже кричат.

Через несколько мгновений боль прекратилась так внезапно, что от облегчения Могрейн рухнул на колени, по-прежнему сжимая голову руками. Никто не торопился говорить.

— Где сущность? — сильным голосом наконец спросил Назгрим.

Могрейн не понял вопроса и ничего не ответил. Он просто наслаждался тем, что боль ушла. Это было просто чудесно.

— Что с Болваром? — вновь задал вопрос орк. — Я не ощущаю его присутствия.

Он был прав. Сущность Болвара исчезла. *Нет, вдруг понял Могрейн, не исчезла. Опустела.* Контролирующая сущность была на месте. Она просто ни с кем их не связывала. Так было после того, как пал Артас.

— Сильвана забрала шлем, — сказал Могрейн. Он обвел Всадников взглядом. — Теперь она наша цель.

Вайтмейн фыркнула:

— Ясно.

— А Болвар? — прогрохотал Назгрим.

Троллебой посмотрел в сторону Могрейна.

— Он больше не Король-лич. Мы спасем его, если сможем, — сказал он.

— Согласен, — ответил Могрейн.

Он перевел взгляд на нежить, обслуживающую «Акерус». Большинство из них словно оцепенело. Те, у кого еще оставался разум, пораженно оглядывались по сторонам. Безмозглые зомби же пялились в пустоту и начинали дрожать.

Всегда должен быть Король-лич.

Скоро обитатели «Акеруса», как и остальные представители Плети в

Нордсколе, превратятся в иступленные машины для убийства. И если Сильвана надела Шлем, она должна была ощутить приближение летающей крепости. А также намерения Четырех Всадников. Могрейн не сомневался, что она попытается подчинить их своей воле. *Даже если это ей не удастся, нам все равно придется пробиваться через остатки ее Плети.*

Он указал в сердце «Акеруса».

— Мы еще достаточно далеко от Ледяной Короны. Возможно, нам удастся сохранить контроль над нашей нежитью. Надо все подготовить. У нас не будет другого шанса...

Он загнулся, продолжая беззвучно шевелить губами. Сущность у него в голове *менялась*. На этот раз было почти не больно. Могрейн еще никогда не ощущал ничего подобного. Даже после смерти Артаса.

Сущность была проводником силы и средством контроля, и теперь этот проводник рушился. Распадался на части. Могрейн не понимал, что происходит. Он ощущал... *свободу*. Казалось, его разум был закован в кандалы, и теперь эти оковы начали спадать. Он и помыслить не мог, под каким мощным контролем находился все это время.

Вдруг они услышали крик Назгрима:

— Что она делает?!

Могрейн посмотрел в сторону Ледяной Короны и увидел, как раскололось небо.

Ударная волна сотрясла «Акерус», и Дарион едва не упал. Назгрим схватил его за руку. Летающая крепость бешено дрожала.

— Стабилизировать «Акерус»! — крикнул Могрейн. — *Живо!*

Кто-то из нежити взялся за дело — и все равно казалось, будто летающая крепость вот-вот рухнет на землю. Но она выровнялась. Если бы они могли вздохнуть с облегчением, то вздохнули бы.

— Удерживаем позицию, — рявкнул Назгрим. Он обводил глазами горизонт, опытным взглядом военного оценивая происходящее.

Могрейн смотрел на цитадель. Небо над ней исчезло, рассыпалось на осколки, и из этой зияющей пропасти на него смотрела тьма, заполненная

черным туманом, что подсвечивался лишь зловещим желто-оранжевым сиянием, вспыхивающим, подобно молниям. И из тумана прямо на цитадель Ледяной Короны опускалось другое сооружение.

В этот момент Могрейн осознал, что сущность и в самом деле исчезла. Шлема больше не существовало. А вместе с ним исчезла и...

— Грань между жизнью и смертью, — выдохнул он. — Она ее разрушила.

Могрейн понял, что Болвар совершил чудовищную ошибку. Он посчитал, что Сильвана хочет завладеть Шлемом. Кто же мог подумать, что она решила его уничтожить? И кто мог предположить, что его уничтожение приведет к подобному?

Могрейн услышал, как за его спиной острый клинок рассек воздух, а затем на пол рухнуло что-то тяжелое.

— Верховный лорд, доставай оружие, — крикнул ему Троллебой.

Рыцарь смерти вытащил меч из ножен, по-прежнему не сводя глаз с неба. В него что-то врезалось, и он удивленно обернулся. Один из мертвецов «Акеруса» вцепился в его броню, пытаясь процарапать ее, чтобы добраться до плоти.

Могрейн рассеянно прикончил его. Вокруг уже валялось несколько трупов.

Плеть лишилась Короля-лича, понял наконец Могрейн. И, если на то будет воля Света, теперь так будет всегда.

Эта мысль вернула его в реальность. Всего несколько умертвий в Зале впали в безумие, и Всадники быстро с ними разделались.

Могрейн оглядел Зал Власти и начал отдавать приказы. Он давно понял, что даже в хаосе можно обнаружить подобие порядка. Когда ты осознаешь, в чем заключается проблема, ты получаешь над ней контроль.

Разбираться будем с одной катастрофой за раз.

— Я не знаю, что задумала Сильвана, но, может, Болвару что-то известно? Надо его найти, — сказал Могрейн. — Вайтмейн, Назгрим. До цитадели лететь еще час. Когда доберемся, найдите Болвара. Если он еще жив, приведите его сюда.

Они кивнули. Могрейн обратился к Троллебою:

— Мы останемся на «Акерусе», будем следить за теми, кем еще можно

управлять, а остальных убьем. Надо сохранить как можно больше ресурсов для... того, что будет дальше.

— Понял, — сказал Троллебой. Они отправились вглубь крепости, и вскоре их клинки запели на холодном нордском ветру.

Вайтмейн с Назгримом подходили к Ледяному Трону, и она не могла отвести от него глаз. Расколотое небо над головой ее не волновало — этой проблемой они займутся потом. Она пыталась уловить признаки присутствия Королевы-банши, но, похоже, та успела улизнуть.

Орк добрался до руин трона первым. Вайтмейн запоздала лишь на секунду и промчалась мимо Назгрима вперед, ловко маневрируя между останками Плетей. Она увидела Болвара — тот лежал на боку в центре платформы.

Он смотрел в небо, и на его лице читались ужас и неверие. Вайтмейн полностью его понимала. Она склонилась над ним и подложила руку ему под голову:

— Она ушла?

Казалось, Болвар едва может говорить. Вайтмейн подозревала, что виной тому были не раны, а масштаб катастрофы, которую он пытался, но не смог предотвратить.

— Да. Сильвана ушла, — в его голосе звучали вина и сожаление. — Я не знал. Я даже *предположить* не мог..

Назгрим тоже встал перед ним на колени.

— Мы возвращаемся на «Акерус», — сказал он. — У нас много дел.

Они с Вайтмейн помогли Болвару подняться.

Тот положил ладонь ей на плечо:

— Вы знаете, что она натворила?

— Нет, — ответил Назгрим. — Объяснишь, когда выберемся отсюда. А потом расскажешь нам, как действовать дальше.

Болвар посмотрел на них в замешательстве:

— Я ведь больше не Король-лич.

— Ах, беда, — Вайтмейн забросила его руку себе на плечи, чтобы он мог на нее опереться. — Я проделала такой путь, чтобы убить Короля-лича, и как только добралась до места, ты сложил с себя полномочия. Очень грубо, Болвар!

— Вам не обязательно мне подчиняться, — заметил он.

— А то мы не знаем, — улыбулась Вайтмейн.

Назgrim тоже ухмылялся.

— Ты планировал собственное убийство ради того, чтобы всех спасти. *Локтар огар*, хм? Направь наши клинки, и мы пойдем за тобой.

Болвар на мгновение прикрыл глаза, и когда открыл их вновь, Вайтмейн увидела в них решительность. «Чудесно», - подумала она.

Он указал на обломки Шлема Господства:

— Соберите их. Только осторожно. Они нам понадобятся.

Назgrim отправился собирать обломки, и Вайтмейн приняла на себя полный вес Болвара.

— А что потом, верховный лорд?

Болвар вновь взглянул на небо.

— А потом мы будем собирать войска, и чем больше, тем лучше. Мы ударим прямо в черное сердце самой смерти.

— Прекрасно, — сказала она, — а то я уже начала беспокоиться, что будет слишком просто.

СОЗДАТЕЛИ

АВТОР:

Роберт Брукс

РЕДАКТОР:

Эллисон Айронс

ДИЗАЙН:

Бетси Петершмидт

ПРОДЮСЕР:

Брианна Мессина

КОНСУЛЬТАНТЫ ПО ИСТОРИИ МИРА:

Шон Копленд, Джастин Паркер, Анна Стикни

КРЕАТИВНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ:

Элай Кэннон, Стив Данусер, Джордж Крстик, Кори Риган

ПЕРЕВОД:

Светлана Грибоваль

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

Джейсон Кэмпбелл, Джейми Кокс, Анна Фицек-Мадей,
Томас Флотер, Фелис Хуан, Тай Джулиан